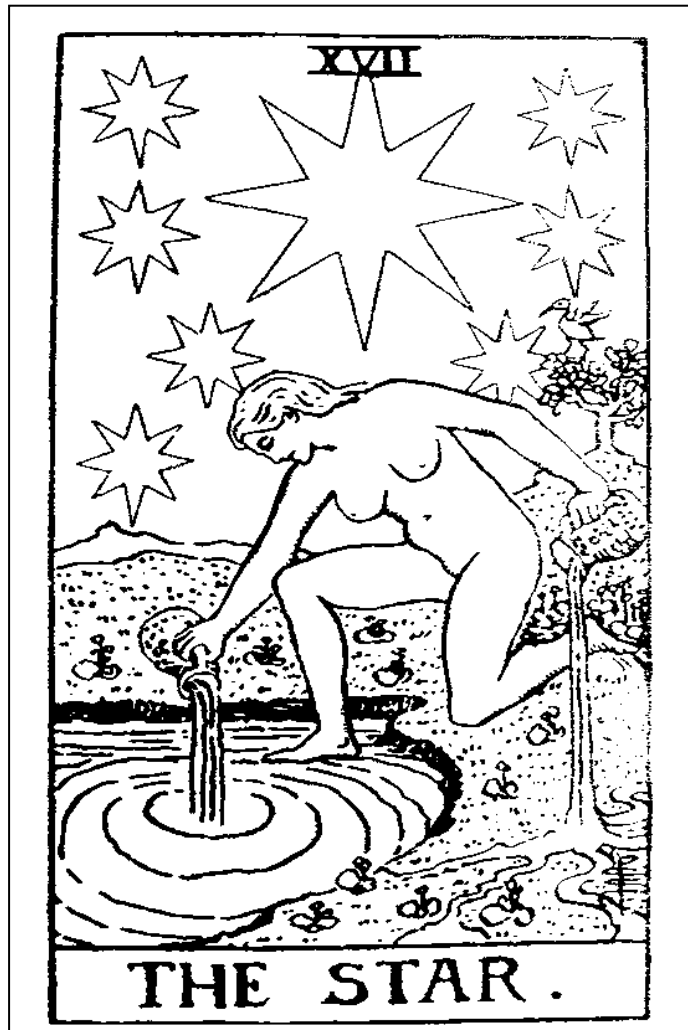

ГЛАВА 17

Беспокойный день

Аркан 17. Наименование: Звезда.

Буква евр. алф. (двойная): ׀ Феи.

Иероглиф: Рот с языком.

Числовое значение: 80.

Гностический символяриум: Мир дальних светил; Млечный путь; Благодать божественного присутствия; Сёянье света; Нисхожде-ние; Мёртвая и живая вода; Плодородие; Отзывчивость; Вско-жесть; Монада и её семь «я» (1 & 7); Бессмертие; Надежда.

Графический символ: семилучевая звезда над двумя пентаграммами.

Астральный знак: ♿ Меркурий.

Орденское описание. Наиболее полно передаёт суть иероглифа *говорящий рот* выражение “хоры стройные светил”, а живое дыхание Вселенной — “небосвод, звенящий колокольцами звёзд”. Млечная влага непрерывным потоком льётся на землю, принося с собой тихую надежду и духовное просветление. Звёздный свет олицетворяет мерцающая во тьме девушка, льющая из двух бездонных кувшинов бесконечные струи флюидической жидкости — одну на сушу, где она стоит коленом, другую в водоём, куда погружена стопа второй её ноги. Речь идёт о равномерном сёянии звёздной пыли по всей поверхности нашей планеты, уравнивая шансы и “гад морских” и “дольней лозы”. Кувшины, как чаши у Солнечного Гения в 14-ом аркане, разнозаряжены (это соответствует мифологеме «живой и мёртвой воды»), что передано символикой сакральных металлов: золота (плюс) и серебра (минус).

За спиной звёздной девы египетская сикомора, на ней птица Феникс — образ бесконечного обновления в природе. Иногда вместо них изображается сажающаяся на розу бабочка — человеческая душа, тянущаяся к *розе ветров*, сердцу Вселенной. В плане сакрального описания человеческой структуры речь идёт о доминанте интуиции, мистической сверхчувствительности к чуду.

Восьмиконечная звезда не только символ всех сторон света и полнота звёздчатоности, но и прямое указание на восьмеричное совершенство двуквадратного нимба Бога Отца, вездесущего во Вселенной.¹ Вместе с кувшинами она образует священную декаду; *семь* звёзд вокруг центральной (её космическая *семья*) доводят общее количество символических элементов изображения до арканного числа. “Надежда, — замечает Г.О.М., — одного происхождения с совестью, а последняя всегда предстаёт перед нами без покровов”. С другой стороны, восьмёрка звезды с *девятой девы* дают в сумме номер аркана.

После «обнажённой Истины» — тела Иешуа на столбе — Булгаков для контраста даёт её профанный аналог: *голую правду*, она же похмелье после пиршества эстрадных чудес. И сразу, мистически перелетев из Ершалаима, появляется вестница Воланда, ласточка, в данном случае Василий Степанович *Ласточкин*, бухгалтер, внезапно оказавшийся главным во всём театре Варьете. Одновременно возникает цифровой код картинки аркана $1+2+3+2=8$ (*бухгалтер, два счетовода, три машинистки, две кассирши*) и звёздный фон (*курьеры, капельдинеры, уборщицы*). И уж совсем белесоватым небесным крапом *многотысячная очередь во главе с барышниками* — грозное следствие вчерашних происшествий. *Утро пятницы* не предвещало ничего хорошего. Между тем речь в очереди шла о чудесах, связанных с прошедшим накануне сеансом чёрной магии, в результате которого “некоторые гражданки в неприличном виде бегали по улице”, то бишь мелькая панталонами или голыми телами вообще.

¹ Эта восьмеричность соответствует восьми уровням дименциональной полноты: 1) длина; 2) ширина; 3) высота; (1, 2, 3 — трёхмерное земное пространство: точка, линия, объём); 4) время — измерение планетарных систем; 5) звёздное измерение; 6) констелляционное измерение; 7) галактическое измерение; 8) метагалактическое измерение.

“К десяти часам утра” роение у театра достигло поистине космических масштабов, появилась совсем уж фантастическая “змея длиной в километр” с библейским словом «соблазн», довершившая мифологизм происходящего.

В обитаемых прежде руинах, в том числе кабинетах Римского и Лиходеева, звонили-заливались телефоны, но здание Варьете вымерло: роение малых не могло заменить отсутствие основных, на телефонные запросы “квартира говорила, что Лиходеев в Варьете”.

Карикатурой на магию оказалась заварившаяся “чепуха”, она привела за собой милицию, перед ней уже пришлось обнажаться до неприличия: “называть вещи своими именами”. Мягкая и аморфная “чепуха”, очерченная жёстким словом “скандал” и запротоколированная, стала добычей следствия, явившегося в сопровождении знаменитого (по арканологии минорных арканов) пса Тузбубён. Тот своим странным поведением дал понять, что дело не чисто. Кабинеты Римского и Варенухи источали из всех углов запах трансцендентного. Следствие то и дело заходило в тупик, задерживаясь там всё дольше и дольше.

Особенно тяжёлым выдался — за странным отсутствием малейшего документа — вопрос о фамилии мага. Оказалось, никто её не знает. “Билетная кассирша... наконец сказала:

— Во... Кажись, Воланд.

А может быть, и не Воланд? Может быть, и не Воланд. Может быть Фаланд”.

Появляется буква 17-го аркана *Фей*, русская *эф*. Это центральная точка гностической арканописи Семнадцатой главы.

Из *стихии воды* выглянул “курьер *Карпов*” и сообщил, что “этот самый маг остановился в квартире у Лиходеева”, *близ пруда*. Выяснилось, что и там никого нету — ни жильцов, ни правления. Получался какой-то крупномасштабный аутизм, или даже — страшно сказать! — *саботаж* отсутствием. Что для *пятницы* совсем уж было неуместно.

“А дело тем временем шло к полудню, когда должна была открыться касса”. Полдень (12) пятницы (5) — это начало фонтанирования содержания иероглифа 17-го аркана *рот с языком*: огласка, оговаривание, публичный скандал. “...Об этом, конечно, не могло быть и разговора!”

Спектакль отменили, очередь рассыпалась, площадь опустела.

Ласточкину предстояло слетать с докладом в “Комиссию зрелищ и увеселений облегчённого типа” и затем сдать вчерашнюю выручку. *Перекрестив* привычным жестом старого прихожанина завёрнутые в газету деньги бечёвкой, бухгалтер попытался поймать такси, что оказалось невозможно, получалось какое-то “пой, мать!”, причём последнее слово произносили шофёры проносившихся мимо пустых машин. Наконец один из водил сжалился, заставив расплатиться мелочью. Крупные купюры за ночь обесценились в ноль.

Еле добравшись до Зрелищной комиссии, Ласточкин был потрясён новым обстоятельством. Председатель комиссии Прохор Петрович испарился, оставив вместо себя действующий костюм; это почему-то не устраивало его секретаря (тоже птицу), красавицу Анну Ричардовну с фамилией... что-то из Шекспира. Та рыдала

белугой, начисто утратив с утра товарный вид. Однако Ласточкина она сходу узнала, поскольку заорала: “*Слава богу!*” Ошалевший бухгалтер не посмел возражать, тем более что раскисшая пава сразу потащила его в кабинет.

“Попад (*докрестился!*) в кабинет, бухгалтер первым долгом уронил портфель, и все мысли в его голове перевернулись кверху ногами”. — *Вверх ногами* висит *Повешенный* 12-го аркана (12), а от того, что увидел Ласточкин, можно было просто *спятить* (5); в сумме получается всё те же 17. Но 12-й аркан это Двенадцатая глава — «*Чёрная магия и её разоблачение*»!

“За огромным письменным столом с массивной *чернильницей* сидел пустой костюм и не обмакнутым в *чернила* сухим пером водил по бумаге”. — Имитатор, ясное дело, симулянт и Прох-индей.

“Красавица секретарь взвизгнула и, ломая руки (себе, естественно, у костюма их не было. — ОК), вскричала:

— Вы видите? Видите?! Нету его! Нету! Верните его, верните!”

Так можно было обращаться только к *тому*, за кого приняла Анна Ричардовна бедного бухгалтера: недовольный начальственный голос изнутри костюма в расчёт ею не принимался.

“— Я всегда, всегда останавливала его, когда он чертыхался! Вот и дочертыхался!.. Проша! Где вы?

— Кто вам тут «Проша»? — осведомился надменно костюм, ещё глубже заваливаясь в кресле. <...> — Попрошу не рыдать в кабинете!”

По этому “попрошу” Прошу кое-как можно было узнать. Но не более. Что и убивало явившуюся по Прошу. Последовал её рассказ о приходе в Зрелищную комиссию огромного, как бегемот, *чёрного* кота, он же толстяк с кошачьей физиономией, который и устроил у них продолжение сеанса чёрной магии под вопль Прохора Петровича “Вывести его вон, черти б меня взяли!” “Это можно!” — сказал толстяк, и дальше получилось то, что получилось. “Все разбежались, как *зайцы!*”

“Бухгалтер только стоял и трясся”, соображая, что “Комиссию увеселений облегчённого типа” явно хватила *нелёгкая*. На счастье, нагрянула милиция, и Ласточкин благополучно выпорхнул на улицу. Предстояло побывать в филиале Комиссии и сдать деньги. Туда и направился обалдевший бухгалтер.

Дальнейшие события происходят внутри этой самой арканной фиты филиала. Там свои художества по линии старой регентской службы продемонстрировал Коровьев-Фагот, реализовав имя *Прохор* в аспекте его *хорового* подтекста. Вокалобесие охватило весь коллектив скромных тружеников филиала, где бы они ни находились. Здание гудело, как огромный собор, хотя в качестве кондака была взята (с кондачка) “Омулёвая бочка”. Пение разрывало привыкшие помалкивать челюсти персонала, даром что регент, дирижировавший капеллой², оставался невидим. Начальственный призыв к сотрудникам “держат себя в руках” повисал в воздухе: люди подобной тяжести не выдерживали. Валерьянка как контрмера не помогала,

² Capella (лат.) – коза, козочка; таким образом, речь снова идёт о знаменитом Евреиновском “козлогласовании”.

почуяв её запах, Василий Степанович робко осведомился у стоявшей рядом девицы: “Простите, гражданочка, кот к вам чёрный не заходил?” На что девица заорала, что, мол, *кот* не заходил, а вот в филиале сидит *осёл*.

Весь бестиарий Семнадцатой главы, включая “прожорливого зверя” песни, относится к символическим животным Сатанаила. Булгаков старательно накапливает коллекцию под весёлый балаган происшествий. К ней же относится и “кружок по изучению Лермонтова”, какой устроил в филиале *осёл*, к вящему ужасу сотрудников. Кстати, общее количество кружков — четыре — даёт количество нулей, достаточное для обозначения двух сортиров, мужского и женского.

Явившийся неожиданно регент-расстрига предложил по случаю пятницы организовать пятый кружок — хоровой. Первым в кружок записались *Фанов* (ещё одно Ф) и *Косарчук*, привыкший *косить* от работы. Клетчатый проорал: “Домик со льдом!” — и началось. Грянули так грянули — небу стало тошно.

В конце концов всех учреждений во главе с *ослом* увезли на грузовике к Стравинскому. — Тот как раз нуждался в хоре.

Отчаявшийся бухгалтер добрался до зрелищного сектора и, найдя надпись «Приём сумм» (в смысле: *сум(м)асшедших*), как инсект, сунул голову в окошечко. Помедлив, ему выдали бланк для оформления этого самого *сумм*. Он распаковал свою газетную ляльку — внутри оказался большой джентльменский валютный набор.

Верёвочный крест не уберёт от напасти.

Тут Ласточкина поймали, признав его за “одного из штукарей из Варьете”. Поскольку *штук* этих у него было двадцать одна с лишком, Василий Степанович понял, что ему не отвертеться.

Ведь всего главу назад звучал настойчивый лютый призыв *Сдавайте валюту!*